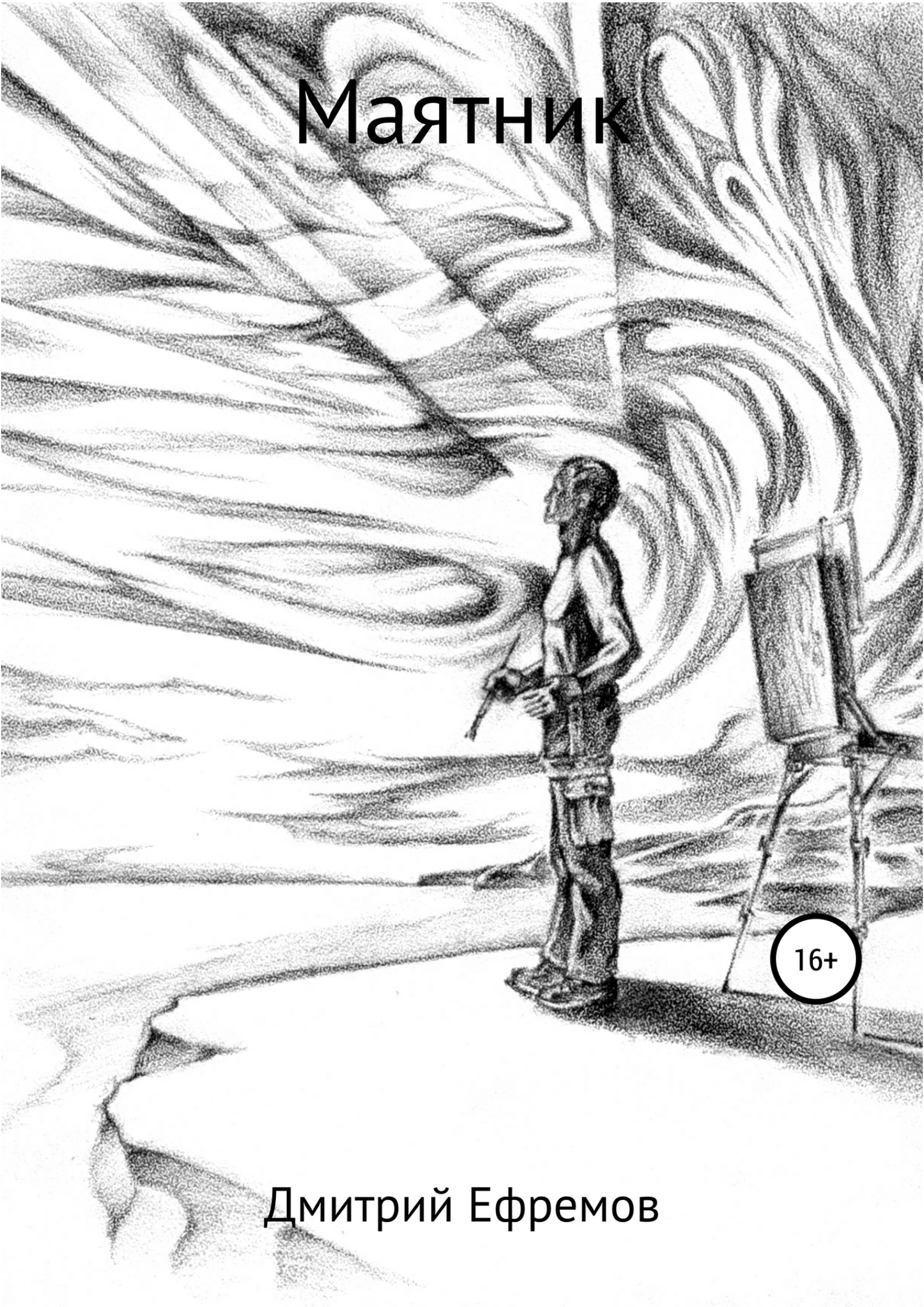

Маятник

16+

Дмитрий Ефремов

Дмитрий Ефремов

Маятник

«ЛитРес: Самиздат»

1997

Ефремов Д. Г.

Маятник / Д. Г. Ефремов — «ЛитРес: Самиздат», 1997

Эта повесть о том незабываем времени, когда приходит чувство, которое люди называют любовью. Когда с его помощью мы открываем для себя мир по новому, в самых разнообразных цветах и оттенках. Когда приходит любовь, мир становится окончательно твоим, и всё, что в нём присутствует, незримо вступает с тобой в разговор. Эта повесть своеобразный акварельный этюд, написанный через много лет после того, как где-то в бескрайнем пространстве Амура произошло невероятное событие - любовь победила смерть, ведь перед этим чувством всё остальное бессильно, да и бессмысленно.

© Ефремов Д. Г., 1997

© ЛитРес: Самиздат, 1997

. Маятник

Если кто-нибудь плавал на «Ракете» на большие расстояния, то, наверное, знает, как это нудно и утомительно. В самом начале путешествие захватывает своей новизной и романтикой. Каждый поворот реки таит в себе неожиданность нового открытия, а река завораживает своей силой и величавостью. Дальние берега манят неизвестностью, и всегда один почему-то красивее или ближе другого. Потом все надоедает и хочется спать. Блики солнечного света, отраженные от воды, прыгают по белому потолку, а пассажиры маются от безделья. На время пути в маленьком пространстве собирается самая разношерстная публика, имеющая только одно общее – конечный пункт. Одни успокаивают изнывающих от жары грудных детей, другим все время хочется в туалет, а третьи просиживают на корме и курят, одну за одной, сигареты. А есть и такие, кого вообще ничто не волнует. Они спят в своих креслах с закинутой головой и полуоткрытым ртом, в который вечно норовят залететь вездесущие мухи.

На дебаркадере, как всегда к полудню, толпился народ. Несколько баб, нагруженных сумками, да пара военных. Обычная картина для небольшой деревушки на берегу Амура.

Дед, старый моряк, с загорелыми и натруженными руками, в стареньком поношенном пиджаке и бесформенных штанах, похожих на галифе, возился со снастями и ворчал на изнывающих от ожидания «Ракеты» людей.

– Напрасно ждете, – ворчал себе под нос старик. – «Ракета» битком будет, и не возьмет никого. Даже причаливать не будет.

– Это как же не будет? – вспыхнули тетки. – Мы тут с утра стоим. Ей положено причаливать. А на чем еще добираться-то? Пусть только не возьмет.

– Жалобу напишите? Тута. – Старик посмотрел на реку, – вон хоть палкой по воде.

– Э-эх, юморист!

Все-таки тетки волновались всерьез:

– Ну, может, сходить будет кто?

– Кому ваша дыра нужна! Люди в города, по делам едут. Вы ведь тоже, поди, в город собралась?

Тетки молча вглядывались в слепящую до слез гладь реки.

– Говорю вам. По рации сообщили, местов нет. Коробочка полна.

– Это он нарочно, – тихо ворчали меж собой бабки. – Небось, в своей будке прячет кого, а потом подсадит.

Дед улыбался своими пожелтевшими, но все еще крепкими зубами.

– Скажите спасибо, что пустил вас на пристань. Не положено ведь.

– Это почему же? – взъелись бабки.

– А потому! Не положено. Читайте, если грамотные.

Глянув краем глаза вывеску, давно выцветшую на солнце, бабки притихли.

– Сам читай, если такой умный. А мы народ темный и грамоте не обучены.

Старик покачал головой.

– Вот тогда сидите и помалкивайте. Пустили вас, как людей, а они же и обвинять тебя в своих бедах.

Тетки все понимали, но нервы их потихоньку сдавали. Ко всем бедам назойливые слепни донимали, пытаясь укусить в незащищенные ноги. Вдруг народ оживился. Кто-то заметил на горизонте маленькую белую точку. Разрезая крыльями гребешки волн, по искрящейся глади реки летела «Ракета». Еще несколько минут ожидания, и всем станет ясно: есть места или нет.

Старик грустными глазами посмотрел на пассажиров и вздохнул:

– Все. Можете по домам. Держит курс по фарватеру. А то бы свернула.

– Ты давай-ка, флажком-то помаши, – засуетились бабки. – Может, ей нужно знать, есть пассажиры или нету.

Старик уже сжимал в костлявых пальцах белый флажок.

– Да знаю. Учить вздумали. Курицы нещипаные.

– Это кто нещипаный! Да ты сам петух, без гребня!

Дед оскалился и рассмеялся беззлобным, хриплым смехом. Подойдя к краю берега, он сделал отмашку флажком. Через несколько секунд «Ракета» поравнялась с пристанью и сбавила ход.

– Здорово, Степаныч, – прозвенел в рупоре голос капитана. – Сегодня никого взять не смогу. Иду перегруженным. Всё забито. Студентов на практику везу. Бывай.

Двигатели заурчали, и «Ракета», набирая скорость, стала быстро удаляться от берега.

– Бывай, – вздохнул дежурный по пристани, стараясь не смотреть на пассажиров.

Толпившиеся на барже бабки с грустными лицами начали собирать свои вещи.

– В другой раз приходите. Послезавтра. На буднях-то места всегда есть, – уже повеселевшим голосом сказал Степаныч, провозжая взглядом удаляющуюся «Ракету».

– Да уж придем. Готовь самовар, пердун старый! – рассмеялись тетки и потянулись по узенькому трапику, соединявшему баржу с песчаным берегом.

– Ну, народ. Это не так, то не этак. Сами вы, – но увидев перед собой двух молодых офицеров, старик осекся на полуслове. – А вам, ребята, чего?

Молодые лейтенантики в смущении переглянулись:

– Мы с точки. А обратно не на чем доехать. Да и домой мы. Отпуск у нас. Так и так ехать надо. Может, батя, у тебя пересидим? Переночуем на палубе. Мы, если что, и по хозяйству можем помочь.

Старик в нерешительности вертел белым флажком, не зная, куда приложить свои длинные, привыкшие к пеньковым канатам и веслам руки:

– Так ведь не положено.

Однако ласковое «батя» сделало свое дело.

– А, ладно. Только на барже не курить и не распивать, – при этом старик сглотнул накатившую слюну.

– Да за компанию, отец. За здоровье-то. По стопочке, – просияли ребята.

– А, Степаныч?

Услышав свое отчество, и не уразумев, откуда оно им известно, дед махнул рукой:

– Ну, тогда я, может, рыбки пожарю? Карасиков. Оголодали, небось.

Офицеры просияли и, как по команде, полезли в свои новенькие чемоданы за закуской.

В «Ракете» было душно и жарко. Окна, по распоряжению капитана, можно было открывать только во время стоянки, поэтому пассажиры шли на корму, глотнуть свежего воздуха и покурить. Когда дверь открывалась, в салон врвался резкий шум двигателей, работавших в полную мощность. На корме курили и молча смотрели на уже поднадоевшие однообразные берега. С одной стороны берега высокие, с другой – низкие. Получив очередную порцию свежего, еще наполненного утренней прохладой, воздуха, публика исчезала в глубине «Ракеты». Но больше ходили от безделья, разбив всю территорию на три пункта. Кресло, корма, туалет. Или наоборот. Кресло, туалет, корма. В любом случае, все возвращались обратно в кресло.

Добрая половина пассажиров, если не больше, были студенты худграфа, ехавшие на свою первую учебную практику – пленэр. Этюдники, зонтики, холсты, натянутые на рамы и увязанные в толстые пачки; огромные сумки, набитые чем попало, – все это с трудом разместилось среди кресел и мешало людям, снующим в проходе туда-сюда.

Где-то в уголке брэнчала гитара, собрав своим мелодичным звоном почти всю женскую половину курса. В противоположном углу, уютно уединившись, сидели преподаватели. Вагин

Николай Иванович и его старший коллега, Евгений Иванович Фентисов, он же ответственный за проведение пленэра. Для них это была не первая практика, поэтому ни шум, ни свободная одежда подопечных нисколько не волновали и не удивляли преподавателей. Привыкнув за долгие годы к веселой студенческой жизни и свободному от комплексов худграфовскому духу, они лишь изредка оборачивались на очередную реплику или недовольство в адрес ребят.

Больше всех ворчал дедок, похожий из-за своей белой бороды на Деда Мороза. Чтобы как-то усмирить старика, к нему подседа с планшетиком для набросков самая яркая и бесшабашная из девчонок, Оленька Иевлева. Среди других студентов Оленька отличалась огромными веселыми глазами и длиннющими ногами в коротеньких шортах.

– Дедушко, – ласково проворковала Оленька. – Хотите, я вас набросаю на бумаг?

Не дождавшись согласия, она начала живо наносить линии, лишь изредка вглядываясь в морщинистое лицо деда.

Дедок засуетился, не зная, в какой руке лучше держать такую же древнюю, как и он сам, клюку. От волнения дед забывал протирать платком седую бороду, и для важности, побрякивал.

– Эх, дедуля, был бы ты лет на сорок моложе, ты бы, наверно, продохнуть тут никому не дал, – игриво подмигивая, дразнила Оленька свою жертву. Старик кричал от удовольствия, глаза его сияли, а рука с клюкой не находила места от волнения. Вряд ли его когда-нибудь рисовали.

Через несколько минут, вырвав из блокнота готовый набросок, Оленька поставила дату и подписала в уголке: «Герою Гражданской войны Климу Ворошилову от благодарного потомства».

Дед долго всматривался в свое изображение. Он то удалял листок на вытянутые руки, то подносил к самому носу, пытаясь там что-то разглядеть. Рисунок ему явно нравился. Когда он все же разобрал надпись, нижняя губа его отвалилась от удивления:

– А ты откуда же знаешь, как меня зовут?

Тут и Оленька открыла рот. Все, кто был рядом, приснули от смеха. Оленька просияла, хлопая своими густыми ресницами, не зная, что и ответить.

– Ну, с Гражданской ты погорячилась, я тогда еще молокососом был. А в Отечественную воевал, – с гордостью произнес дедок. – И назвали меня, в аккурат, Климом. А Ворошиловых у нас полдеревни было, потому как Ворошилово деревня-то была. Да не здесь, на Волге. На Амур-то нас в двадцать восьмом сослали.

Старик еще долго крутил листок в потрескавшихся пальцах, высматривая все до мелочей.

– Отец мой, – говорил сам себе старик. – Вылитый.

Глаза его блестели от накатившей слезы.

Самым главным местом на корабле был туалет. Народ постоянно толпился возле двери, делая вид, что просто дышит свежим воздухом. Дверь была все время заперта изнутри, а публика ворчала от недовольства, называя все это безобразием. Как только кабинет освобождался, в него нырял очередной счастливчик, а все не успевшие замирали в ожидании, делая вид, что им это не интересно.

В один такой момент, когда к очереди пристроился герой Гражданской войны, дверь не открывалась особенно долго. Выждав время, старик нерешительно постучал клюкой по железной двери. На его удивление, дверь сразу приоткрылась и оттуда высунулось миленькое личико все той же Оленьки Иевлевой. Осмотрев толпу и увидев старого знакомого, Оленька сверкнула глазами и ласково прошипела:

– Что дедуля, так уж нестерпёж? – потом мило улыбнулась всем, кто был рядом, и опять захлопнула дверь ещё на десять минут.

Когда терпению старика подошел предел, а сам он готов был лопнуть от злости, дверь неожиданно распахнулась, и из туалета грациозно выпорхнули две особы, одарив публику особенно теплой улыбкой. Каково же было их удивление, когда из гальяона появилась курчавая белобрысая голова молодого паренька с шальными, выпученными глазами.

– Курить чтоль негде? Моду взяли! Безобразники. – Разгоняя газетой едкий табачный дым дед прошаркал в долгожданный толчок, махнув на все рукой.

Герка, курчавый, светловолосый и беззаботный, был самым молодым на курсе. Он был вроде дежурного клоуна, и вокруг него всегда крутилась пара девчонок. Там, где был Герка, всегда стоял дикий хохот и бесшабашное веселье. Так же, как и многие, Герка бегал меж пассажиров и без всякого смущения делал наброски. Это были шаржи, и на всем курсе лучше Герки их делать никто не мог. Его яркую внешность еще более усиливали потертые до невозможности джинсы и обвисшая хипповая майка.

Все парни на курсе делились на две группы: на тех, кто только закончил школу, и тех, кто успел отслужить армии. С виду они казались более взрослыми и рассудительными. Однако отношения между группами были самыми теплыми и мирными.

Дети все время крутились под ногами у студентов, трогали этюдники и вечно просили, чтобы их нарисовали. Счастливчик сидел, не шевелясь, и светился, как лампочка, на весь салон. Ворчавшие поначалу мамыши, возмущенные внешним видом студентов, постепенно свыклись и только вполголоса обсуждали поведение молодежи.

– Учителя будущие, – шептались они меж собой, стараясь удержать изнывающих от любопытства чад.

– Глянь-ко... Девки-то почти все без лифчиков. А парням хоть бы что. Ну и мода пошла! А эти два! Видать, ихние преподаватели. Наверное, умные. Читают да спят. Творческий народ. Одно слово – художники. Чему только научат? Вот вопрос.

– Как одеваться. Да ржать, как лошадь. Им бы в театральный. А тому, курчавому, хоть сейчас в цирк. Но уже художник. Малого моего нарисовал, что фотография. А этот, с бородой? Мужик, да и только. Нерусский, что ли?

– Хорошо, хоть матом не ругаются.

– Это-то да. А было как-то, ехала, так везли какое-то училище. Всю дорогу ругались, как собаки. А в конце еще и подрались. Не поделили что-то. И дрались-то девки. Во как! А эти просто молодые, потому и веселые. А там, глядишь, ветер из головы выдует.

– Дай-то бог!

Артёма разбудил чей-то дикий смех. Во рту от жары пересохло, но ещё больше хотелось курить. Он размял затекшие ноги и прошёл на корму, прихватив на всякий случай свой «Зенит». На удивление, на корме никого не было. Похрустев суставами и смачно зевнув, он сунул в зубы сигарету и прикурил. Глубоко затянувшись, с удовольствием выпустил облако белого дыма.

Проплывали небольшое село, каких по берегу встречалось не так уж много. Берега, в основном, были дикими и безлюдными. Поравнявшись с небольшой пристанью, «Ракета» сбросила скорость, и из рупора металлический голос что-то проорал. Что, Артему разобрать так и не удалось. В этот момент на палубе появился Валерка Блохин. Он был намного старше Артёма, невысокого роста и крепкого телосложения. Успев где-то поработать и даже отслужить в армии, Валерка всегда напускал на себя нарочитую деловитость. Очки и маленькие аккуратные усики лишь подчёркивали его солидность, и хотя на курсе к нему относились с уважением, для Артёма это ничего не значило.

Блеснув очками и хитро улыбнувшись Артему, он тоже облокотился локтями о железный борт и стал рассматривать людей, столпившихся на дебаркадере:

– Что это они флажком машут? «Ракеты», что ли, никогда не видели?

Баржа быстро осталась далеко позади.

– На тебя пришли поглядеть, – ляпнул Артем, рассматривая уплывающий берег.

Валерка вопрошающе посмотрел на Артема, но ничего не сказал.

– Они к «Ракете» пришли, – глядя на оставшихся далеко позади людей, словно выискивая знакомое лицо, сказал Артем. – Здесь другой дороги нет. Только по Амуру.

– Бывал что ли здесь? Откуда знаешь?

Артем, казалось, не слушал Валерку, пытался посчитать количество домов, сам не зная, для чего это делает.

По реке плыли разные предметы: большие и маленькие коряги, обрывки сетей с поплавками, даже бревна. Некоторые из них плыли вертикально, иногда полностью уходя под воду, проплывая почти у самого борта. В эти моменты капитан резко отворачивал, чтобы не налететь на такую «мину». А всему виной было коварное солнце и серебристая гладь реки, таившая в себе тысячу опасностей. Случись что с «Ракетой» на середине реки, и мало кому из пассажиров удалось бы доплыть до ближайшего берега. Артем слышал про такие случаи и крепко держался за железные перила.

Во время одного из кренов на корму ворвался резкий и мощный поток воздуха и сорвал очки с Валеркиной головы. Артем стоял немного позади и стекляшки просто чудом оказались в его руках, ударившись о грудную клетку. Растерявшийся и наполовину ослепший Блохин стал всматриваться в воду, надеясь увидеть там свои очки.

Пока Валерка шарил вокруг поглупевшими без очков глазами, Артем очередной раз закурил.

– Может закуришь с горя? – не выпуская из зубов сигарету, спросил Артем. В кармане куртки он сжимал Валеркины очки, и ему было чертовски весело оттого, что Блохин влип в маленькую историю.

– Очки высматриваешь? – продолжал донимать Валерку Артём. – В следующий раз ты к ним круг спасательный привяжи или буюк.

Глядя на ухмыляющегося Артема, Валерка все больше злился, но на правах старшего товарища старался не показывать вида.

– Может, нырнешь? Вдогонку. Их как раз какой-нибудь сом примеряет.

– Ну хватит дурака валять, – не выдержал Валерка. – Не смешно. – Он в досаде сжал перила своими сильными квадратными ладонями так, что костяшки на суставах стали белыми.

Неожиданно дверь распахнулась, и на палубу влетел очумелый Герка. Рот его, как всегда, был широко открыт. Увидев Артема в компании с Блохиным, Герка ослабил. Он вынул из папки очередной свежий набросок и со смехом развернул перед Валеркой. Артем отвернулся, чтобы не выдать своей естественной реакции. Его распирал смех. Хотя Герка был безобидным человеком, за год он порядком надоел ему со своими хамскими шутками и болтовнёй.

Этот рисунок был идеальной копией молодой толстой нанайки, сидевшей в окружении кучи детей. В который раз глянув на свою работу, Герка схватился за живот, вновь закатившись своим заразительным смехом. Артем сделал вид, что рисунок ему не интересен. С трудом сдержав смех, он стал ковыряться в фотоаппарате, не давая Герке никакого повода разделить с ним свой восторг.

В своей привычной манере Герка принялся что-то нашептывать Блохину прямо в ухо, замечая при этом всё, что происходит вокруг. По мнению Артёма Герка был пустобрёхом и бабником, и не заслуживал того внимания и любви, которые к нему проявляли на курсе. Но врагов на курсе у Герки не было, и это вызывало у Артёма недоумение. Неожиданно появившиеся на палубе девчонки схватили Герку под руки, и веселая компания исчезла где-то в глубине «Ракеты».

– Клоун, – с облегчением вздохнув, сказал Артем.

– Да ладно тебе. Нормальный парень. Весёлый. Работает не в пример многим. В армии таких любят. Завидуешь ты Герке.

– Любят женщин, а мужчину уважают -не скрывая раздражения сказал Артём, мимо-лётно разглядывая проплывающие утесы. Целая гряда высокого берега притягивала внимание. Утесы, как спина дракона, чередовались друг с другом. Отвесными стенами они уходили прямо в воду, создавая впечатление невероятной крутизны. Где-то на самой вершине толпились, как будто в очереди на смертельный прыжок, невысокие деревья, делая очертания скал похожими на сказочных великанов.

Артём прикинул на глаз высоту утесов. Получалось вполне прилично.

– Неплохие места для тренировок, – отметил про себя Артём, вспомнив о своем прежнем увлечении.

За утесами, в глубине, начиналась нетронутая тайга, и теснившие друг друга исполинские кедры молчаливо говорили о том, что край этот дикий, и ничего хорошего не сулит случайному бродяге.

Блохин, шокированный величавым пейзажем, молчал.

– Красиво у вас!

– Почему у нас? Мы все здесь гости. Но ты прав Блохин, это тебе не Воркутинский угольный бассейн.

Немного обидевшись на Артема, Валерка попробовал возразить:

– У нас тоже есть красивые места, но по-своему.

– Чего же не сиделось в своём красивом месте? – Артём выплюнул давно потухший бычок и инстинктивно потянулся за новой сигаретой. Щелкнув замком дедовского подарка, он стал рассматривать наизусть знакомый рисунок на серебряной крышке.

– Ух ты! Дай глянуть, – Валерка протянул свою квадратную руку за портсигаром. У Валерки была страсть к ювелирным украшениям. Он был знатоком этой темы, много читал, и собирал картинки по народным промыслам.

Сделав вид, что не расслышал, Артём молча сунул вещь во внутренний карман самопальной куртки с кучей карманов и заклепок и прикуривая от зажигалки, искоса наблюдал за однокурсником.

– Что ты говорил? – хитро улыбаясь и выпустив сноп дыма сквозь зубы, проговорил Артём.

Валерка так и остался с протянутой рукой, делая вид, что выполняет какое-то сложное гимнастическое упражнение.

– Высота! – протянул Блоха. – Не меньше полсотни метров.

– Думаю что восемьдесят.

Искоса глянув на Артема, Блохин не стал оспаривать этого заявления:

– Да... Вот бы спрыгнуть с такой высоты, а?

– У тебя ещё будет такая возможность, – заверил улыбаясь Артём.

– Ты думаешь?

– Уверен.

Один из утесов, почти отвесная и необычайно гладкая скала, выделялся на фоне других. Почти в центре огромной, отшлифованной временем плоскости, едва различимые, проступали буквы. Даже на большом расстоянии от берега их величина представлялась значительной. Но время так поработало над словами, что букв было почти не разобрать. Не написанные краской, а выбитые на отвесной стене, они бросались в глаза любому проплывающему по реке. Но от времени почти все стерлось. Артём не стал ломать голову над чьим-то творчеством, считавшимся традиционным среди любителей острых ощущений, и повернулся спиной к берегу. Блохин тоже заметил надпись и, несмотря на то, что был слеп, как крот на солнце, тоже пытался прочесть слова:

– Бред какой-то. Кому-то же надо было рисковать башкой.

Артема почему-то задело: «Его-то какое дело, кому рисковать».

– Ты хоть знаешь, что такое риск? – глядя в незащищенные глаза Блохина, чуть ли не проорал Артем.

Обхватив крепко железные перила, он легко оттолкнулся ногами и, выбросив ноги наружу, зафиксировал чёткий уголок. Мощный поток воздуха был готов оторвать его от железных прутьев, но Артем удержался и, развернувшись по ветру на одной руке, ловко приземлился на железную палубу.

Блохин некоторое время молчал. Потом лицо его сделалось красным, а руки сжались в кулаки. Неизвестно, чем бы все это закончилось, не появись на корме первая тихоня на всем факультете Инка.

Увидев парней и сообразив, что что-то неправильно, она ойкнула от неожиданности, и тут же исчезла. У Инки были великолепные, немного вьющиеся, почти чёрные, волосы, красивое личико с аккуратным носиком и тёмные как бусинки глаза.

– Соскучилась, поди. А, Блохин? – глядя на Валерку исподлобья, прокомментировал появление Инки Артем.

Валерка немного ступевался, а кулаки его разжались.

– Ты на что намекаешь? Давай без намёков. Если тебя что-то волнует, говори прямо. И вообще, тебе–то какое дело?

Валерка вдруг осёкся, поняв, что наговорил лишнее.

– Дело может и не моё, – ухмыльнулся Артем, – но за ней весь год ухаживал Андрюха с третьего курса. И ты об этом знаешь. И все об этом знают.

– А с чего ты решил, что я ее собираюсь отбить у него? Мы с Андреем друзья. Я друзьям подлянок не делаю.

– Не слепой, – Артем вынул очки из бокового кармана куртки и сунул их прямо под футболку Блохину.

– В таком деле, Блохин, друзья не в счёт. Носи и не кашляй. Папочка!

Артем щелчком, пульнул бычок за борт и прошел мимо опешившего Блохина в салон.

Очнувшись от спячки, в ужасно неудобном положении, Артем увидел, что народ вокруг суетится. Глянув в окошко, он увидел берег. «Ракета» потихоньку причаливала. Сбросив обороты и покачиваясь на волнах, судно медленно шло против течения, хлюпая плоским днищем по воде.

По свету в салоне он догадался, что дело уже шло к вечеру. Солнце клонилось к горизонту, а в «Ракете» было немного сумрачно. Голова раскалывалась от постоянного сна, и Артем подошел к боковому выходу. Там уже суетился парнишка, одетый в тельник и спасательный жилет ярко-оранжевого цвета. Борту коснулись пожеванных резиновых покрышек, привязанных к барже, и парень ловко бросил толстую веревку береговому. Не мешая матросу делать свое дело, Артем молча наблюдал за всем тем, что делал парнишка.

– Что за дыра, Сэр?

Пареньку понравилась манера обращения, и он улыбнулся:

– Нормальная деревня. Село Нижне-Тамбовское. Сэр.

– Здесь, наверное, волков море?

Парень застыл в недоумении:

– А, – дошло до него, и он рассмеялся. – Между прочим, старинное село. Красивое. Ночуем здесь. Ночью-то нельзя идти.

– Я в курсе, – кивнул Артем. – Топляки и всякая дрянь.

– Точно. Лучше тише, да надежнее, – подытожил матросик.

На дебаркадере суетился еще крепкий дедок. Артёму показалось, что где-то такого же кряжистого и загорелого старикана он уже видел. Из-под его синей речфлотовской кепки торчала прядь седых, но густых волос.

Под ногами крутилась босоногая детвора, и дедок, не церемонясь, покрикивал на любопытных мальчишек, пытавшихся проскользнуть в «Ракету».

– Ну-ка, шалопаи, сгиньте с глас моих, чтоб я вас больше не видел, – по-особому, с каким-то местным акцентом говорил старик.

Мальчишки отбегали от деда на почтительное расстояние и ждали момента, чтобы сделать очередную попытку проскочить.

Подойдя к матросику, дед по-свойски протянул ему руку:

– Дай закурить, что ли.

Артем достал портсигар. Увидев редкую вещицу, дед аккуратно открыл ее привычным движением и достал пару сигарет. Глубоко втянув носом табачный дух, он смачно чмокнул губами:

– Вот это по-нашему.

Шаря по карманам спички, дед поковылял на другой край баржи.

При виде портсигара глаза матросика заблестели:

– Ух ты! Где откопал? – покрутив вещицу в руках, он вернул ее хозяину.

– Серебро, что ли?

– Оно самое.

– Дорогая, наверное, штукovina?

– Дело не в металле.

– Понимаю. Подарок, наверное.

Артем кивнул и спрятал портсигар во внутренний карман:

– Как достаю, деда вспоминаю. Давно бы бросил курить, а не хочу. Приятно таскать с собой.

– Веселая у вас компания, – глядя на студентов, выглядывающих из открытых окон, произнес паренек. – Девчонки все как на подбор.

– А, – с равнодушием протянул Артем. – Болтуши.

– Ну и что. Умная баба наказание для мужика. Главное, чтобы всё при ней было, – провожая взглядом одну из студенток, сказал матросик.

– Нравятся, что ли? – спросил Артем, разглядывая берег и людей, столпившихся на барже.

– Да есть кое-что.

– Смотри. С ними надо осторожней. Обломают в момент. Потом краснеть будешь.

– Куда им, – сделав надменную мину, цинично произнес матросик. – Не таких обламывали.

– Ну-ну!

– Завидую я вам, – не обращая внимания на иронию Артема, с тоской в голосе продолжал паренек. – Целый сезон отплавал на этой развалине. Все осточертело. Каждый день одно и то же. Старухи. Дети. Даже свиней умудряются затащить.

– Зоопарк, – вставил Артем.

– Точно. А сегодня просто здорово. Особенно над вашим кудрявым ухочечься. Он мне портрет сделал. Показать?

– А это пассажиры? – спросил Артем, указывая на людей, толпившихся на берегу.

– Да ну, что ты. Ребяшня по жизни всегда крутится на пристани. А эти в буфет, за колбасой. Здесь же в магазинах шаром покати. Всё своё. А ваши ребята зря время не теряют. Очкарик весь день с чернявенькой воркует. Губа не дура.

Артем сжал плотно губы:

– Из Воркуты, вот и воркует. Ладно, бывай, – он выбросил окурок и спустился в салон. Загородив проход, парень закричал на мужиков и баб, толпившихся у трапика:

– Ну, куда, куда? Буфет не работает. Колбасы нет. Не видите, что ли. Студентов везем.

На практику.

Услышав про студентов, люди почему-то быстро разошлись. Открыв дверь, парень, как из рупора, проорал в салон:

– Ночуем. Часок можете погулять. Потом «Ракету» задраиваем. Кто не успел, тот опоздал.

По салону прокатилась волна эмоций и скрип сидений. Студенты высыпали на берег. Все остальные, за немногим исключением, остались в своих креслах, доедая оставшиеся припасы еды.

Последними вышли преподаватели, как всегда, о чем-то беседуя и не обращая внимания на возбужденную толпу подопечных, носившихся по берегу.

Берег был высоким. С него хорошо просматривался Амур. Чувствовалось его дыхание и сила. Под дальним берегом, касаясь краешком синих гор, висело ярко красное солнце. Артём с удовольствием смотрел на него, даже не напрягая зрения. Он сделал несколько кадров на разных выдержках и пошёл вдоль домов, тянувшихся односторонней улицей вдоль Амура. Деревня, действительно, была чем-то привлекательна. Во дворах суетились люди, бросая любопытные взгляды на незнакомых. Они подходили к калиткам и, облокотясь на них, вертели головами, разглядывая веселую публику.

Внизу уже брэнчала гитара. Артем узнал любимую песню курса. «Провансальский звонок». Её с удовольствием пел весь курс. Звуки разносились в тишине, вызывая у Артема приятные воспоминания о прошлом.

На пристани стоял все тот же моряк и что-то высматривал, принарядившись в свой парадный костюм.

«Снимается», – догадался Артем и посочувствовал бедолаге.

К морячку подскочили девчонки, среди которых больше всех щебетала Оленька.

– Сама ты калоша речная, – расслышал Артем голос моряка.

– Ну, и пешочком пойдём, – слышались обрывки фраз.

Девчонки наседали, облепив парня со всех сторон.

– Да, все мои, – уже набычившись, отвечал паренек, явно проигрывая в интеллекте. – Уберем трап, а там, как хотите, – уже чуть ли не рычал парнишка.

– А если я попрошу? – звонко пела Оленька.

– Берём только натурой, – продолжал игру матросик.

– Хам и дурак, – бросила Оленька. – Пошли, девочки, вон Верхолат с фотоаппаратом.

Пусть нас сфотает на память об этой дыре.

Парень так и остался стоять с разведёнными руками и открытым ртом.

Артёму немалых трудов стоило отвязаться от весёлой компании. Пару кадров всё же пришлось сделать. Сам того не желая, он отсёк из кадра всех подруг и оставил только Ольгу. Под защитой объектива он мог свободно смотреть в её глаза, большие и лукавые, способные свести с ума любого. Словно библейская Ева, вогнать в искушение. Было поразительно, как это имя подходило к ней. Он намеренно долго выбирал ракурс, наводил резкость, словно испытывал её терпение, и всё это время её глаза сверлили объектив, словно пытались пробить толщу стекла. Ему совсем не хотелось делать преждевременных выводов и обольщаться вниманием со стороны однокурсницы. Скорее всего, это была игра. Чтобы не выглядеть идиотом, Артём решил не обращать внимания на подобные знаки внимания. Да и с некоторых пор вера в дружбу утратила в нём своё значения. Одному было проще. Правда, иногда приходилось сталкиваться с пустотой. А с ней бороться было почти невозможно.

Оставшись один, он поплелся вдоль деревни. Пели вечерние петухи. Во дворах тявкали, переходя на затяжной вой, собаки. Почти в каждом дворе на привязи бегали изнывающие от безделья лайки, с точеными ушками и хвостами в два кольца, прилипшими к спине. Некоторые, отвязанные, перемахивали без особых усилий высокий забор и обнюхивали чужака, при этом не проявляя никакой агрессии. Но близко к незнакомцу они не подходили, а лаяли, скорее всего, по привычке. На то они и были лайки. Заметна была особая, зверовая стать этих собак, отличавшихся от городских особой легкостью бега и пружинистостью ног. Все в них говорило о крепко устоявшейся местной породе.

Дома стояли добротные, но небольшие. По одну сторону широкий двор с поленницей дров вдоль забора, по другую – огромный сад с высокими и густыми грушами.

От моряка он узнал, что село это старинное, и проживали в нём потомки забайкальских казаков, расселившихся по Амуру еще в прошлом веке. Дома они рубили из плотов, на которых спускались сами по реке, перевозя с собой не только скарб, но и скот, включая лошадей. Для жизни они всегда выбирали высокие берега и места, удобные для ведения хозяйства и охоты.

Дома украшали резные фронтоны с богато украшенными карнизами. У каждого окошка по бокам висели ставни, защищавшие от холодных зимних ветров, а летом от нестерпимого зноя.

В глубине села, немного особняком, стояли новые блочные двухквартирные дома. В этом нетронутым цивилизацией краю они смотрелись дико и нелепо. Во многих местах осыпанная штукатурка, обшарпанные углы; все говорило о неряшливости хозяев и неудобности жизни в таких домах. Во дворах, заваленных разным хламом, было грязно и неудобно. Кое-где не было даже заборов. Вокруг бегали ребятишки, и Артем поинтересовался о такой разнице.

– А... – махнул рукой рыжий малец, одетый в одни трусы. – Переселенцы.

Так и не выяснив, кто такие переселенцы, Артём повернул обратно. От увиденного на душе стало тоскливо, да и смотреть было уже нечего. «Действительно дыра», – подумал Артём. Сделав крупным планом конопатую физиономию местного аборигена, и щёлкнув по оттопыренным ушам мальчика, он спрятал «Зенит» в сумку и, не оглядываясь, пошёл к пристани.

Там его уже ждали. Блохин успел напелсти преподавателям про его трюк. Началась нудная головомойка.

– Ты понимаешь, Артем, – вкрадчиво затянул Коля Вагин свою песню: – Мы несем ответственность за всех вас. В том числе, и за тебя. Ты же взрослый человек.

– Вот именно, – перебил Артём. – Я не ребёнок, и думаю, пусть каждый отвечает за свои поступки. Вот вы, Николай Иванович, ручаетесь за себя, в плане порядочности?

Вагин громко рассмеялся, не скрывая восторга от такой наглости, однако отвечать на поставленный вопрос не стал. Вагин был большим дипломатом, и быстро сообразив, на что намекал Артём, мягко ушёл от прямого ответа.

– Это коллектив, Артём. Мы одна семья, и ты должен понять, что каждый...

Артему не хотелось выслушивать уже известную мелодию, поднадоевшую за год., Он демонстративно развёл руки, заявил, что был не прав, и протиснувшись между ребят, прошёл в «Ракету». Вечер был испорчен. Ему осталось врезать Блохину промеж глаз, хотя, ни к чему хорошему это не привело бы.

Сидя в кресле, он вспомнил глупое, какое-то беззащитное выражение Валеркиного лица, когда тот остался без очков, и ему стало немного легче. Он откинул голову и уставился в потолок. Краем глаза он видел костер на берегу. Искры поднимались высоко в небо, а вокруг собрался весь курс. Не было только его.

Он закрыл глаза и попытался отстраниться от действительности, но звуки проникали в него и ещё больше раздражали. Потом ему показалось, что с ним говорят. Кто-то упрекал его в глупых поступках и куда-то звал. Он догадался, что это был сон, длившийся доли секунды.

Но чьё-то присутствие он почувствовал невероятно остро, как прикосновение. Сердце от этого сильно колотило, а в голове стоял шум.

По-прежнему брэнчала гитара. Кто-то из ребят пел про любовь, и это ещё больше раздражало. Артём глянул в окно и среди толпы увидел Еву. Она сидела в стороне одна. Это было удивительно. Кто-то из парней накинул на её плечи куртку, и от этого в груди Артёма загорелось.

Это было глупо – сидеть в душном салоне, среди пассажиров, слушать их храп и сопение и не быть среди друзей. Он поймал себя на мысли, что поступает неправильно, как ребёнок. Как дурак. Он не стал открывать глаз. Ему и так всё было ясно.

Когда Артем проснулся, вся «Ракета» была кувырком. Дети, как самые закадычные друзья студентов, кричали от восторга и не обращали внимания на своих родителей. Те, судя по всему, махнули рукой на своих чад, и прозябали в безделии. Девчонки смеялись, а Герка, как и всегда, куражился и веселил их. Буквально из ничего он смастерил двух кукол, и на старом чемодане разыгрывал сцену какой-то сказки, переиначив её на современный лад. Выглядело всё это ужасно глупо, но дети были от восторга, а однокурсники дружно хохотали. На какое-то время Артёма увлекло, и он поймал себя на мысли, что так никогда не сможет. И это осознание своей посредственности его вдруг выдернуло из праздника, и он снова ушёл в себя. Законный пейзаж приелся, народ усиленно общался меж собой, поскольку ничто так не сближает, как дорога. Кто-то из студентов сидел в кругу преподавателей и о чем-то говорил. Фентисов увлеченно рассказывал худграфовские байки, каких было много на факультете со дня его основания.

Евгений Иванович был старейшим и, по праву, самым уважаемым преподавателем. Обладая большим опытом, невероятной порядочностью и тактом, он всегда создавал на пленэре самую доброжелательную обстановку.

По сложившейся традиции, почти все преподаватели факультета ездили на пленэр. После городской суеты и шума любая, даже самая забытая деревушка становилась отдушиной в тысяче проблем городского человека, и поводом для творческих начинаний.

... – А что вы думаете? И на вашем пленэре обязательно случится какая-нибудь история, – рассказывал Фентисов. Он сделал паузу, оглядывая публику. – Как еду со студентами, всегда что-нибудь происходит. – Он вопрошающе поглядел на Вагина. – Помнишь, как парни налысо подстриглись, ваш курс, кажется, был.

Коля широко заулыбался, по-видимому вспомнив события своего давнего прошлого.

– Взяли моду стричься наголо. А что? Удобно. Голову мыть не надо. Расческа не нужна. Опять же, вши не заведутся. И не надо смеяться. Ну вот. В своей деревне к ним привыкли как-то. Людей-то немного. Поехали они в другую деревню, вроде, на экскурсию. Тут, как назло, убежали заключенные с зоны. Суматоха. В общем, обыскались мы их. Перенервничали. Потом дозвонились через отделение связи. Сидят голубчики в КПЗ на воде и хлебе. А мы с ног сбились. Так что под ноль стричься не советую. Ну, а главное – это, конечно, рисовать. И больше читать. Дети в школе больше всего истории любят. Будет чем занять на уроках. В школу-то собираетесь? Половина из вас, наверняка, мечтает художниками стать. А это нелегко. Но и учителем тоже непросто.

– А можно же совмещать?

– Верно. Даже нужно. А я, так, по-другому и не могу, наверное. Но в искусстве важно другое... Не бояться начинать новое, и не лениться доделывать старое. И все ваши таланты выйдут наружу, непременно.

– Жизни не хватит, чтобы таланты вылезли, -заныли ребята. Гением надо родиться, или потратить всю жизнь.

Фентисов негромко рассмеялся:

–Ничего тратить не надо. Живите правильно и сердцем, вот и вся наука.

К полудню «Ракета» включила сирену. Все кинулись к окнам и увидели быстро приближавшийся берег.

В пути несколько раз делали остановки, высаживая и принимая людей. Все деревни или поселки были чем-то похожи друг на друга. Дома с ярко раскрашенными ставнями и белыми крышами, утопая в зелени, тянулись по высоким берегам, органично вписываясь в окружающий ландшафт.

Амур жил особой жизнью. Все здесь говорило о главном занятии людей. Лодки вдоль берега, сети на заборах. Главным в этом краю была рыба. И только о ней велись разговоры местных жителей.

Там, где расположилось село Тыр, Амур был на удивление узким, а берег – высоким и обрывистым. Дома ютились на небольших бугорках, тянувшихся вдоль реки. Рядом с поселком отвесными скалами, уходившими прямо в воду, возвышался огромный утес. Под ним бурлила вода, собираясь в большие водовороты.

«Ракета», сбросив скорость, проходила мимо скалы. Кое-где на камнях, словно речные чайки, сидели мальчишки. Они ловили рыбу, с любопытством разглядывая проходившее судно.

Все припали к окнам и от восторга открыли рты. Пейзаж произвел на студентов сильное впечатление. Местная же публика, заставив сумками весь проход, уже выстроилась в привычную очередь, ожидая, когда «Ракета» пристанет к берегу.

После духоты и утомительной качки земля показалась особенно приятной. Запахи. Звуки. Люди, пришедшие встречать приехавших. Зеваки, высыпавшие на берег. Все выглядело новым и необычным. Студенты сгрудились в одном месте, наблюдая за суетой незнакомого поселка.

Встретил практикантов сухошавый мужчина среднего возраста. Это был директор местной школы. Он показывал дорогу, по возможности помогая нести студенческое имущество. Дорога забирала круто вверх. Вдоль нее и повсюду бродили и лежали, греясь на солнышке, огромные свиньи. Некоторые валялись по уши в грязных лужах и при виде студентов пронзительно хрюкали.

Путь был тяжелым и непривычным. Половина девчонок ныла от тяжелых сумок, взвалив часть своих вещей на парней.

Больше всех досталось добродушным и молчаливым якутам, Коле и Саше. Держались они немного особняком, но в любом общем деле были в первых рядах. Облепив со всех сторон свои худые жилистые фигурки зонтиками и этюдниками, они шли молча, и не выражали никаких эмоций. За ними, ругаясь и гремя этюдниками шёл Пашка, долговязый и медный от загара парень. От этого загара его короткие соломенные волосы казались особенно яркими, словно их действительно срезали на пшеничном поле. Пашка отслужил армию, и все его шутки и выражения, грубоватые и не очень глубокие по смыслу, были пропитаны казармой. Он ворчал на девчонок, побросавших свои этюдники, называл их хитренькими лисичками, и обвинял в своих бедах желторотых юнцов, вроде Герки, вовремя смывшихся со своим барахлом. Шедший немного впереди, Дима, тоже истекая потом, тащил на плече объемный рулон белой бумаги. Чтобы не распалить брата ещё больше, иначе тот психанёт, бросит всё посреди дороги, Дима шёл молча, лишь изредка поглядывая по сторонам. Пашка почти бежал меленькими семенящими шажками, словно китаец, нагруженный рисом, при этом продолжая искать глазами этих хитреньких лисичек. Заметив ещё издали обвешанную непонятно чем долговязую фигуру, люди загодя уходили в сторону, с любопытством наблюдая за диковиной. А где-то позади, все так же мирно беседуя, и осматривая знакомые с давних пор места, тихонько шли преподаватели.

Девчонки все время ныли от тяжелых сумок и бесконечного подъема. Но даже в такой ситуации горластый Герка откалывал номера и строил рожи разгуливающим вдоль забора хавроньям. Геркины шутки хоть как-то отвлекали от утомительного подъема. Усевшись на заляпанный красками этюдник, Герка зарычал, подражая раненому зверю:

– Все, толпа, я больше не могу! Умираю. Не обращая внимания на дорожную пыль, Герка так и повалился, раскинув руки и ноги в разные стороны. Тут же замертво валились все остальные, кто шёл рядом, бросая, как попало, свои вещи прямо на землю. Отдых длился недолго, потому что все увидели внизу нечто страшное. Это шёл Пашка. Первым вскочил Герка, и как ужаленный, забыв про усталость, полетел вверх.

– Подъём толпа! Страшный сержант идёт! Я подальше от греха! – заорал Герка, вновь заводя импульсом оптимизма и суматохи всех, кто успел упасть на дорогу. Взмокший от перенапряжения Пашка хотел догнать основную группу и задать кое-кому трепку. В пылу он чуть не наступил на Тимофееву, рослую дивчину с пухлыми щеками и вздернутым носиком. Наташа изнемогала от усталости и совсем не хотела подыматься с земли.

– Вставай, Тимоха. – Пашкина фигура заслонила полнеба. – Видишь этих чушек?

Толстые и грязные свиньи ходили совсем близко и хрюкали, ничего не опасаясь.

– Останешься одна, они могут наброситься. Они ведь полудикие, – не то в шутку, не то всерьез тихо проговорил Пашка и тут же заорал, как сумасшедший, во всю глотку. Чёрная от грязи огромная свинья, которую можно было принять за бугор, резко вскочила и побежала.

– Дурак ты, Пашка, напугал до смерти. – Тимофеева с опаской посмотрела на свиней, те с недоверием глядели маленькими глазками на Пашку. – Помог бы лучше.

– Чо! – заревел Пашка.

Наташка схватила пузатую сумку и понеслась аршинными шагами, догоняя основную группу. В суете она забыла свой зонтик. Опасаясь, что его кто-нибудь подберет из чужих, Пашка присел на одно колено и, не бросая клади, ухватил зонтик за ремешок зубами. Рыча и невразумительно ругаясь сквозь зубы, он побежал за Тимофеевой.

В школьном дворе уже немного остывшие от длинного подъема, студенты сидели, кто на чем, а кое-кто просто валялся на скошенной траве.

Свалив в общую кучу осточертевшую ношу, Пашка, лишённый силы тяжести, сделал несколько гигантских прыжков и тоже рухнул на землю.

– Кто Вэрхолата видэл? – ломая русский язык, пропел бородатый Володька. Он говорил с ужасным акцентом, и для всех было загадкой, как Карапетян смог поступить в институт. Он был самым старшим на курсе, и Володьку все очень любили и уважали, и не только за возраст. Карапетян был добр ко всем и очень трудолюбив. Особенно ценили Володьку преподаватели, и всегда ставили в пример.

– Да кто его знает. Он раньше всех выскочил из «Ракеты» и куда-то смылся, – сказал Пашка.

– Ищи свищи ветра в поле. Он, наверное, на утес полетел, – сделал предположение кто-то из ребят.

– А гдэ его вэщи тогда? Кто скажэт мне, гдэ этого таинствэнного человека искат?

– С собой. Он все свое носит с собой.

Володька подошел к Пашке, обхватил его за плечи, пытаясь поднять, словно тот был мешком с мукой. Это было игрой.

– Поздравляю!

– С чэм? – передразнил Пашка.

– С прыбтием. Пошли найдом Вэрхолата и прыбъём его как последний негодяя. Зарэжим его.

– Я кинжал дома забыл.

–Нэ пэрэживай. У меня есть.

Вокруг уже смеялись.

–А за что мы его будем убивать? –спросил поднимаясь Пашка.

– За то, что всём не помог. За то, что единоличник.

– А ну! Пошли.

Ребята встрепенулись. Всем хотелось прогуляться. Усталости уже не было, и веселая толпа потянулась к утесу, оставив дежурить у вещей Колю и Сашу.

Артема увидели еще издалека. Он шнырял среди разомлевших под вечерним солнышком животных и только успевал делать кадры. Равнодушные к фотографу, те хлопали ушами и похрюкивали, пуская пузыри в грязные лужи.

Пораженные увиденным, все сразу позабыли причину поиска. Столпившись невдалеке, все ребята уставились на делового фотографа.

– Ты ничего покрасынее не мог найти? – возмутился Володька.

– Пока нет, – невозмутимо продолжая отщелкивать кадры, сказал Артем.

– Ты зачём на свинэй пленку перэводиш? Тебе людэй мало, что-ли?

Одна их чушек резко вскочила и уставилась на толпу. Самый трусливый и вечно вьющийся подле Герки Болдырев рванул в сторону:

– Ой, мама! Она меня сожрет!

– Это боров, – пояснил Артем.

– А мне все равно, – продолжая с опаской глядеть на огромную свинью, глупо улыбаясь, произнес Болдырь. – В чушке главное – сало.

Артем вышел из окружения животных и зачехлил свой «Зенит».

– Ну да! Если свинья ничем не отличается от хряка, то тогда чем ты отличаешься от той же Тимофеевой?

Юрка сразу поглупел:

– Не понял. А причём тут Тимофеева?

Юрка был человеком безобидным и в тоже время почти бесполезным. Его доброта не приносила никому пользы, а мощная, плечистая фигура не соответствовала застенчивому и нерешительному характеру. Артемовская грубость мало кому понравилась, и компания, забыв про инцидент, пошла дальше.

Парней разместили в спортзале. Мест хватило всем. Каждый выбрал себе спортивный мат, а кому-то достались даже настоящие матрасы. Половина спортзала, по общему мнению, оставалась общей для всех.

Для девочек отвели две классные комнаты, не очень уютные и вечно темные. Заботливая завхозша, очень напоминавшая старуху-процентщицу, скрепя сердце, выдала девчонкам по матрасу и раскладушке. В довершении она вручила, под личную ответственность преподавателей, ключ от учительского туалета, который, правда, собственноручно заколотила на следующий день толстым гвоздем.

Парни сразу развалились на матах, наслаждаясь новым местом. Сыпались шутки, иногда дубовые, в адрес того или иного студента.

– Рядовой Болдырев! – звучал громогласный Пашкин бас.

Юрка не служил в армии по многим причинам, поэтому не знал, как правильно отвечать:

– Чего тебе, Пашёк?

– Два наряда за неуставной ответ. Назначаю вас дежурным по роте.

Юрка конфузно улыбался, оглядываясь на товарищей:

– Вечно ты, Пашёк, со своими приколами.

График, тем не менее, был составлен. И, как специально, первым дежурил Юрка. Обремененный обязанностью, он неуклюже ходил по залу и стонал, обижаясь на беззаботных друзей, посмеивающихся над ним.

К вечеру, неизвестно с какой стороны появился Верхолат. Его приход вызвал много вопросов.

– Ты где пропадал?

– Он, наверно, всех свиней в посёлке перефотографировал.

– Мы твою пайку съели.

– Не подавились? – так и не ответив на вопросы, вывернулся Артем. – Расхаживая между матрасами, он выискивал удобное местечко, но таких уже не наблюдалось.

– Между прочим... В десяти км отсюда есть старинное нанайское село – Кальма.

– А ты уже успел сбегать туда, что ли?

– Нет, Блохин. Для того чтобы узнать, необязательно бегать за десять километров.

Достаточно спросить.

– А ты знал заранее, что ли?

– Из «Ракеты» увидел. – Артем бросил в угол свою сумку, скинул куртку, расстелил ее на свободном мате и завалился прямо в ботинках. На несколько секунд он закрыл глаза.

– Знаете, какая глубина в Амуре напротив утеса? Девяносто с лишним метров, – не дожидаясь вопроса, с долей непринуждённого равнодушия произнес Артем. Ни у кого не было особого желания разговаривать с Артемом, но из-за последней новости возник спор.

– Такой глубины не бывает, – заголосили все хором.

– А кто видел людей с красными глазами?

Вопрос смутил толпу.

– А они есть. Есть шестипалые люди. Голокожие кошки. Птицы, которые не умеют летать. Что же, если вы не знаете или не видели, то можно смело отрицать, что ли? Или вы верите только газетам? Если не верите, то возьмите хоть измерьте.

– Ну, про страуса мы слышали, – деловито перебил Валерка. – Но где вот такой маток верёвки найти? Вопрос-то интересный, про одного знайку и десять незнаек.

– Можем поспорить. Хоть на что.

– Да пошел ты со своими спорами!

Однако тему не закрыли, и ребята ещё долго обсуждали вопрос, что может уместиться в такой яме. Артем, не обращая внимания на бойкот, стал разбирать сумку и рассматривать находки.

На следующий день, после жиденького завтрака, когда все отдохали, в зал влетел Бочкарёв, по кличке Пети. Так его прозвал Пашка, увидя в нем поразительное сходство с древним человеком – питекантропом. Бочкарёв был сильно сутулым, невероятно длинноруким, добрым и доверчивым человеком, а в его неуклюжем и нескладном теле чувствовалась и таилась большая физическая сила. Кличка прилипла еще на вступительных экзаменах, где Пети продемонстрировал завидное рвение к учебе и полное отсутствие знаний по школьной программе. Не смотря на это, его, как и многих других армейцев, вытянули и зачислили на курс.

Глаза Пети светились, и выдавали детский восторг человека, который не способен переживать радость в одиночку. Своим блуждающим взглядом он кого-то выискивал:

– Пашука, Димука. Я надыбал кучу кирпичей недалеко отсюда. Коля Вагин печку класть будет. Будем дровами топить её, харчи готовить. Правда здорово. Дымом будет пахнуть. Димука, вставай. Нужно помочь. Я уже десять кирпичей притащил. За один раз принёс.

– Ну ты же амбал у нас. Десять кирпичей... Да врешь ты Бочкарёв. – Братья тут же вскочили, благо, что в животе у них почти ничего не было, и начали бесцеремонно распинывать дрыхнувшую толпу. Зная, что с ними лучше не спорить, все друженько поплелись за Пети. Один Артем невозмутимо ковырялся в фотоаппарате, пытаясь устранить мелкую неполадку.

Бочкарь, размахивая руками, на ходу объяснял друзьям все прелести походной печки на свежем воздухе.

Во дворе школы, одевшись по-рабочему, с мастерком в руке и с засученными рукавами ходил Коля Вагин, примеряя одним глазом будущее место под печь и будущую столовую. Девчонки крутились рядом, и с любопытством наблюдали за Колиными действиями. Через пол часа у его ног валялось около сотни, а может, и больше красных кирпичей. Карапет, зная тонкости штукатурного дела еще по стройбату, месил глину в разрезанной повдоль железной бочке, и добавлял по ходу дела песок.

Мастерски, по-деловому орудуя мастерком, Вагин отдавал распоряжения Пашке, а тот то и дело орал на Блохина, встревавшего со своими советами. Карапетян посмеивался над Пашкой, деловито смахивал локтём со лба пот и одновременно дымил сквозь зубы сигаретой.

– Паша, будь добра, прикури мне сигарета. А то потухла. У меня вся руки в глине, – просил Володька, не скрывая своего восторга и радости от всего, что происходило вокруг.

Братья, как обычно, спорили меж собой, поскольку в любом их споре одновременно решался и вопрос старшенства. Пашка советовал добавить цемента:

– Больше надо сыпать. Крепче будет!

– Ну и зачем нам эта прочность. Как ты ее потом разбирать будешь? – стоял на своём брат. – Пашка недоумевал и обижался от того, что его не слушают.

– Все правильно, – влез в спор Вагин. – Кирпич надо будет вернуть. Да и кому нужно это нагромождение после нас? Школьный двор как никак.

С последним доводом Пашка спорить не стал и просто отвернулся, продолжая играть обиженного, хотя на его лице появилась улыбка.

На глазах у всех появлялась печка. Сначала поддон, потом отсек для поддувала. Вагин аккуратно притирал кирпичи друг к другу, и, снимая со стенок лишнюю глину, деловито комментировал свои действия:

– Все должно быть аккуратным и эстетичным. Какая печка, такая и еда.

Пашка, улыбаясь во весь рот, и забыв старые обиды, выбирал кирпичи покрасивее, и здесь тоже не обходилось без споров.

Чтобы углы печки были ровные, около каждого из них вбили колышки, выровняв их предварительно по отвесу.

– Печка – это не только тепло. Здесь будет главное место, – продолжал Коля Вагин. – Она трансформирует энергию природы и передает ее человеку.

– А что такое трансформация? – спросил скучающий среди парней Юрка.

– А вот у Паши спроси, – посмеялся Вагин, зная, что Пашка наверняка что-то отколет.

– Да, тебе, Болдырев, бесполезно что-нибудь объяснять. Ты что, не видел трансформаторных будок?

– Это почему? – обиделся Юрка и глупо улыбнулся. – Что я, баран что ли?

Девчонки захихикали.

– А ты не знал, что ли? У тебя, наверно, и рога на голове есть. Давай проверим. – Пашка растопырил грязные пальцы и устрашающе направился к Болдыреву.

– Ой, мама, – Юрку сразу сдуло на безопасное расстояние. – Ты как ляпнешь. Хоть стой, хоть падай. Я балдею с тебя. В трансформаторе ток, а в печке дрова.

– Ладно, ребята, хватит дурачиться, – Вагин выпрямился. – Дима, держи мастерок и доложи последний ряд. Юра, пошли за плитой.

– Чуть что, сразу Болдырев, – заныл Юрка, и понурился поплелся за Вагиным.

Когда печь была почти готова, появился Артем.

– А вот и поросячий фотограф, собственной персоной. К шапочному разбору прибыл.

Артем косо взглянул на Герку, но ничего не ответил. Отойдя на десять шагов, он вынул «Зенит» и навел на резкость. – Кто не успел, тот опоздал.

С криком и визгом толпа ринулась занимать самые лучшие места возле печки, чуть не развалив своё еще не окрепшее детище.

– В любом деле важна во время поставленная точка, – подытожил как никогда довольный Коля Вагин.

К вечеру уже украшенная автографами на каждом кирпиче печка с новенькой плитой и железной трубой украшала школьный двор. Вокруг бегали местные мальчишки, пытаясь что-нибудь сунуть в топку и запалить.

Вагин строго-настрого наказал всем не подпускать никого к печке и не зажигать ее, пока глина окончательно не схватится.

– А вечером можно будет чуть-чуть протопить, – пояснил Коля.

После утряски всех общих дневных дел повесили график дежурства по кухне и назначили ответственных за приготовление пищи. Дежурить решили попарно. Мальчик с девочкой.

– Ну вот. Как в школе, – ныл, как всегда Болдырев.

– А ты, Болдырь, со мной дежурить будешь, – заявил Пашка.

– Это почему? Я что, девочка, что ли?

– А мы это сейчас проверим.

Толпа дружно заржала, включая самого Вагина, любившего посмеяться в дружной компании.

– Не, Пашек. Я лучше с Еремой буду дежурить.

– Ты дурак, Болдырь, – встрепенулся Еремей, – что я себе девчонки не найду, что ли?

– Да ну вас. Ржут, как кони. Девчонки, кто со мной будет дежурить?! Я один не буду! – ныл Юрка.

Без голосования решили каждый вечер устраивать маленькие просмотры работ. Кое-кто уже имел в копилке свеженькие этюды с местными достопримечательностями.

– Девчонкам по одной не ходить, – твёрдо заявил Фентисов. – Подъем в половине шестого. Отбой – на усмотрение. Но в десять часов все на месте, — подытожил он свою не длинную, но емкую речь о правилах пленэра.

Со двора школы открывался изумительный вид на Амур. Место, неспроста выбранное для школы, находилось немного на отшибе, от чего дети чувствовали себя уютно в своем мирке.

Сидя у печи и слушая, как трещат дрова в топке, можно было до самой темноты любоваться вечерними закатами. Суета на пристани, движение людей по селу, крики детворы, доносившиеся с берега, нежное вечернее солнце – всё это придавало картине характер чего-то неизменного и по-особому летнего. Как будто время остановилось, и никакой прогресс и холода не коснутся этого заброшенного уголка.

Первый интерес местных жителей к студентам прошел. Но мальчишки, эти вездесущие, вечно чумазые и голодные оттого, что сутками не появляются дома, на правах хозяев шныряли по коридорам школы, и с неподдельным любопытством заглядывали в спортзал. Им все было в диковинку, особенно, этюдники и громадные зонты. Их интересовали рисунки, краски. В общем, все. Они очень любили позировать и часами ошивались вокруг студентов в ожидании долгожданной минуты, когда кого-нибудь из них ни изобразят, как на фотографии.

Погода стояла на редкость хорошая, с ясным небом и теплыми тихими вечерами. Все студенты загорели и стали похожи на жителей тропических стран.

Сначала поселок был в шоке от студенческих нарядов. Коротенькие шортики, сделанные из старых джинсов, прозрачные футболки, разрисованные всевозможными способами, козырьки, соломенные самбреро, дырявые поношенные джинсы... Эти наряды по началу шокировали местных жителей. Бабы ворчали, а мужики исподтишка пялились из полукоткры-

тых окон на молодых и загорелых студенток. Но уже через неделю кое-кто из местных красоток перенял опыт, переделав старые джинсы в супермодную одежду.

Первые этюды, наполненные свежими впечатлениями от нового, уже ушли в прошлое. Маленькие подмалевки с сиюминутными эффектами, или почеркушки, как их назвал Вагин, должны были смениться длительными композициями с четко поставленной задачей на передачу пространства и объемности.

– Короткие этюды, задача на передачу состояния, и только. Вы должны переходить к осмысленной передаче пейзажа. У ваших этюдов должна прослеживаться определённая тема. Оживите свои работы мыслью. Душой надо видеть природу. Сердцем. Если вам нечего сказать, лучше не беритесь за кисть. Рисуйте карандашом или углём, вон, сарай школьный. Там всё есть, и ходить далеко не надо.

Каждый вечер Вагин ворчал, обвинял всех и каждого в лени, а Фентисов, как и всегда, только давал советы. Иногда он вносил коррективы в рисунки, показывая всем, как нужно работать над композицией. Так, обсуждая неплохую, но скучную работу Саши Бея, по прозвищу Циркуль, Фентисов просто намазал большой кистью посреди листа облако. И работа тут же задышала, в ней появился воздух и движение света. Фентисов учил не бояться вносить в работу то, чего в данный момент нет. Но для этого необходим опыт, как раз то, ради чего они и приехали сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.